

Балеты рождаются на небесах

Москву посетили ангелы амстердамских предместий

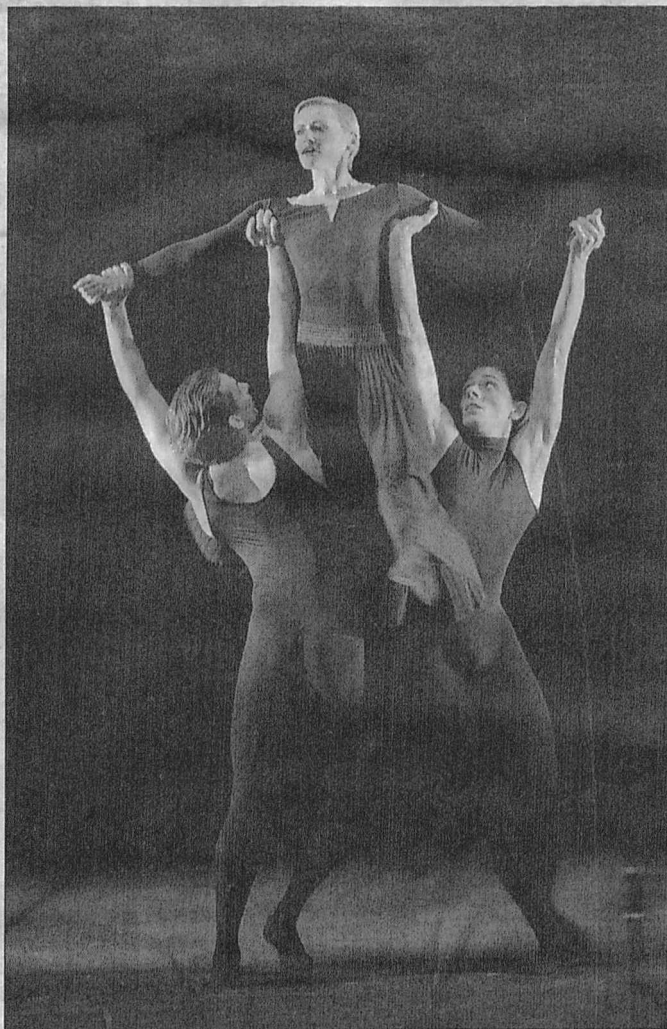
Светлана НАБОРЩИКОВА,
для «Новых Известий»

В 1972 году 21-летний танцовщик Тон Виггерс решил посвятить себя просветительской деятельности и организовал компанию «Интроданс» (сокращенный вариант introduction to dance — введение в танец). Дело было в Ариеме, небольшом голландском городке. Амстердам, танцевальная столица Нидерландов, расположен всего в часе езды, но Виггерс считал, что горожане имеют право приобщиться к танцу на месте и получить спектакль в качестве десерта после воскресного обеда. «Кухня» должна быть подходящей, легкой и гармоничной: не балетный академизм, не интеллектуальный авангард, а некий сбалансированный микст этих противоположных начал. Стараания начинающего миссионера, долго совмещавшего должности директора, танцовщика и хореографа, оказались не напрасны. Ариемцы любят родной театр, который со временем превратился в настоящий танцевальный комбинат, небольшой, но отлаженный. В нем три подразделения: основная труппа, состоящая из 16 артистов; молодежная, специализирующаяся на постановках для детей и юношества; и школа, куда принимают всех желающих, независимо от возраста и способностей.

В основной состав Виггерс вместе с ассистентом Рулом Воринтхолтом отбирает профессионалов, ежегодно просматривая танцовщиков со всех концов Европы. Он принципиальный противник исполнительских иерархий и не делит своих подопечных на кордебалет и премьеров. Все знают, что имеют

право на соло, и такая позиция благотворно сказывается на актерском творчестве. Каждый сезон труппа делает три новые программы и показывает девять спектаклей. В выборе постановщиков Виггерс также демонстрирует широту пристрастий, оставляя неизменным главный принцип: спектакли должны быть сделаны специально для «Интроданс». Хореографы, в свою очередь, охотно сотрудничают с театром. Например, такие мэтры, как Форсайт и Килиан, ставят 8–10-минутные композиции для непосредливой детской аудитории. Последнюю премьеру, спектакль «Любовь, наслаждение и ложь», где используются мотивы «Баядерки» Минкуса и «Петрушки» Стравинского, коллектив показал в канун прошедшего Рождества. Голландская интерпретация русских балетных святынь была бы очень любопытна нашему зрителю, но Виггерс не рискнул привести ловину, отговорившись непременностью декораций и желанием представить лучшие, на его взгляд, работы.

«Интроданс» стал первой зарубежной танцевальной труппой, выступившей на Новой сцене Большого театра. Исторический спектакль почтила присутствием принцесса Нидерландов Маргрет с супругом. Ее соотечественники оказались в соответствующей ситуации: струе не слишком традиционно, но солидно и респектабельно. Программа под названием «Ангель» объясняет к концептуальности, и Виггерс, сочетая одноактовки разных хореографов, старается обыграть метафизические и житейские смыслы заглавия. Дэвид Парсонс (соло «Пойманный») не поз-

Трио грешников из балета «Мессия».

воляет танцовщику коснуться земли. Дискретные лучи стробоскопа «лосют» мускулистого посланца в моменты парения, а приземление и разбег скрыты во тьме. Эд Вюббе в «Мессии», не мудрствуя, противопоставляет земное и небесное. Грешные люди — мужчины и женщины в черном — чередуют дуэты и трио. Их непорочные визави мерно маршируют за прозрачным занавесом, щеголяя огромными белыми юбками. Волны материи вздымаются при каждом шаге, и игра ткани скрашивает однообразие словари. Ожидаемая встреча горячего и холодного происходит ближе к финалу. Персонаж в белом жестко и непреклонно преследует одну из женщин, а когда ангельское войско торжественно выходит на сцену, люди исчезают в кулисы. Но, как выясняется, это лишь пролог перед решающей схваткой. Одышавшись, земные жители спланировали проникнуть за запретный занавес, а затем и вовсе вытеснят небесных гостей.

При всей прямолинейности и предсказуемости «Мессия» Вюббе смотрится без утомления. Причиной тому не хореографические новации, а трагический пафос Георга Фридриха Генделя, чья одноименная оратория легла в основу балета. Отношения Нильса Кристи с «Пятью поэмами» Вагнера тоньше и сложнее. Хореограф не склонен паразитировать на музыкальном материале и выбирает трудный путь звуко-пластического контрапункта. На фоне романтических томлений и экстазов разворачивается вполне житейская история, пусть и без сюжетной подоплеки. «Пять поэм» — пять дуэтов, выдержанных в русле стан-

дартной неоклассики, и множество любовных радостей, вроде трогательных касаний, нежных поцелуев и непродолжительных, но весьма откровенных объятий. Танцевальный быт возвышают три вещи: мастерски поставленный полусторонний свет, тревожные грозные облака, сфотографированные дизайнером Кейзо Деккером, и ангел в телесном трико. Последний наглядно иллюстрирует тезис о браках, что заключаются на небесах. Время от времени появляется из-под облаков, берет даму на руки и передает ее другому, более подходящему партнеру.

Сочинение Тона Виггерса «Палимпсест» переводит повесть о людях и ангелах в гротесковую плоскость. В качестве палимпсеста, древнего пергамента, с которого старый текст стирали, а поверх выписывали новый, используется остинатный опус композитора Симона тен Холта. Расчет верен: музыкальная форма с многократно повторяющейся мелодией сулит неограниченные возможности танцевального «переписывания». На каждое проведение следует текст, отрицающий только что исполненный. Правверную классику с большими пируэтками, аттитудами и эпидемиками сменяет пестрая фольклорная полечка, экспрессивную свободу модерн-композиции точечная пластика марионеток. Какое отношение к ангелам имеют спортивные юнши в бордовских полукombineзонах и буколические девушки в изумрудных платьях, сказать трудно. Скорее сам Виггерс вообразил себя Тюрпом, с божественной шедроу распорядившись своими танцевальными познаниями.